Для цитирования: Маринофф Л. Гуманитарная терапия как средство защиты от вредных воздействий технообщества // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 19—28. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-19-28.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-19-28

УДК 101.8 + 101.9

ГУМАНИТАРНАЯ ТЕРАПИЯ КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ОТ ВРЕДНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ ТЕХНООБЩЕСТВА[1]

Маринофф Лу (Marinoff Lou),
Городской колледж Нью-Йорка (США),
декан философского факультета,
президент Американской ассоциации философов-практиков (APPA),
доктор философии, профессор.
160 Convent Ave, New York, NY 10031, USA.
E-mail: lmarinoff@ccny.cuny.edu

Аннотация

Глобализация и цифровая революция преобразуют человеческую цивилизацию беспрецедентными способами в значительной степени благодаря инновациям, а также навязыванию новых технологий для роста числа потребителей. И хотя эти преобразования приносят человечеству бесспорную пользу, эти выгоды связаны с целым набором издержек. Данная статья не пытается отрицать преимущества, но пытается бороться с недостатками. Автор обращается к гуманитарной терапии как к средству против многих проблем, с которыми сталкиваются как отдельные люди, так и общество в целом, — проблем, возникших в нашей жизни в результате чрезмерного воздействия технологий и недостаточного влияния гуманитарных наук.

Ключевые понятия:
технообщество,
монокультура,
вредное воздействие,
когнитивный дефицит,
поведенческий дефицит.

1. Что подразумевается под «технообществом»?

Во-первых, мы должны различать технократию и технообщество. Технократия — это управление обществом, которое осуществляется элитами с помощью различных технологий. Технообщество — это общественное взаимодействие, независимо от политической системы, когда ежедневные личные, социальные, экономические и культурные трансакции опосредованы вмешательством технологий или навязыванием технологий. Яркие примеры таких технологий объединяет известная аббревиатура «FANG»: Facebook, Amazon, Netflix и Google. Без их помощи становится уже невозможно проводить какие-либо личные, социальные, экономические или культурные транзакции посредством одного или нескольких цифровых устройств, интерфейсов и сетей. Таким образом, фундаментальный процесс взаимодействия человека с человеком вытеснен одной из форм технологически опосредованного взаимодействия. Это и есть то, что мы подразумеваем под «технообществом». Отметим, что разграничение между технократией и технообществом может быть не таким уж непроницаемым, как кажется на первый взгляд. Поскольку сами правительства зависят от информационных технологий не меньше, чем их граждане, то можно себе представить вполне реальную кибернетическую борьбу за власть, которая может трансформировать технократию в силу существенных измерений, происходящих в технообществе.

2. «Две культуры»

Поскольку темой этой конференции[2] является «преодоление разрыва» между естественными и гуманитарными науками, уместно исследовать природу самого этого разрыва. Если кто-то стремится построить функциональный и прочный мост, он должен кое-что знать и о местности, на которой будут возведены основания и опоры моста, по обе стороны от пропасти. Исторически на Западе наиболее явно разрыв между естественными и гуманитарными науками наметился после второй мировой войны и был впервые осмыслен ученым и писателем Ч. П. Сноу в его памятной лекции

[1] Перевод с англ. выполнен С. В. Борисовым по изданию: Marinoff L. Humanities Therapy as a Remedy for Detriments of Technosociety // Journal of Humanities Therapy. 2019. № 10 (2). P. 1—18. Перевод подготовлен в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021-ОГН «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

[2] Данная статья представляет собой переработанный автором доклад на Международной конференции по гуманитарной терапии в технообществе (ICHTT) (18—20 августа 2019 г., Нанкинский университет, Нанкин, Китай).

1959 г. [21].[1] Это разделение, которое он назвал «две культуры», пронизывает все западное — и мировое — высшее образование, так что университеты превращаются в «замкнутые» учреждения, в которых студенты старших курсов специализируются либо в области естественных, либо в области гуманитарных наук. Эта взаимная изоляция не является ни необходимой, ни благотворной. Человеческий мозг состоит из двух полушарий: левого, выполняющего функции *логоса* (естественные науки), и правого — мифоса (гуманитарные науки). Подобно Инь и Ян, эти два полушария дополняют друг друга и работают, комплементарно [14, p. 27—48]. В этом суть тезиса Сноу о том, что это разделение является «главным препятствием» в решении современных глобальных проблем.

3. Монокультура: гуманитарные науки «в осаде»

Хотя научно-технологические общества, несомненно, решили многие крупные проблемы, они также создали и обострили другие, а именно, отчуждение людей от фундаментальных представлений о том, что собственно значит быть человеком. Технологическое ускорение, вызванное глобализацией и цифровой революцией, сформировало переход от «двух культур» времен Сноу к «монокультуре» нашего времени, а именно к технообществу. В университетах всего западного мира гуманитарные программы находятся «в осаде», организованной университетскими администрациями [5, p. 136—146], главным признаком которой является сокращение их финансирования. Критериями оценки этих программ являются не их качественные преимущества (которые просто не знают, как «объективно» оценить), а количественные критерии, такие, например, как предполагаемая возможность трудоустройства выпускников. В то же время, по признанию самих администраторов, университеты обучают студентов тем специальностям, которых еще (или уже) нет, и поэтому прогнозы трудоустройства оказываются весьма туманными. Тем не менее увеличиваются бюджетные ассигнования на так называемые дисциплины «STEM» (Наука, Технология, Инженерия, Математика) с пропорциональным уменьшением финансирования программ в области гуманитарных наук и искусств. Эта тенденция порождает «монокультуру», потребители которой представляют собой технообщество. Если эта фактическая ликвидация гуманитарных наук продолжится, больше между науками не будет никакой пропасти. Однако это было бы большой трагедией для всего цивилизованного человечества.

4. Вредные воздействия технообщества

Большая часть этого раздела посвящена выявлению и обобщению восьми основных проблем, навязанных нам технообществом. Некоторые из них относительно самостоятельны, в то время как другие в различной степени пересекаются. Каждой из этих проблем может быть посвящена отдельная статья или даже целая книга. Ограниченное время моего выступления позволяет кратко проанализировать лишь некоторые из них.

Во-первых, мгновенность цифровой связи (например, электронная почта и текстовые сообщения) привела к сокращению времени, в течение которого можно закончить необходимые размышления, и к соответствующему обнищанию языковых навыков, к чему приводит, например, использование emojis и буквенно-цифровых сокращений вместо хорошо сформулированных мыслей, выраженных естественным языком. Если сравнивать современные цифровые коммуникации с эпистолярным наследием предыдущих веков, то поражает неумолимое вырождение письменности. Вытеснение письменной традиции цифровой революцией привело к серьезному когнитивному дефициту у современных людей [13, chapter 10; 12, chapter 9].

Причинно-следственная цепь когнитивных ухудшений или, по сути, перегруженность (*resophistication*) в силу обратимости процесса впервые была выявлена, возможно, Томасом Гоббсом еще в 1651 г. В раздвоении логоса на речь и мышление Гоббс заметил доминирование первого над вторым. Он писал: «В неопределенности кроется первое злоупотребление (речью), из которого вытекают все ложные и бессмысленные принципы» [10][2]. Более глубокий смысл прозрения Гоббса был сформулирован в XX в. в

[1] Издание на русском зыке: Сноу Ч. П. Две культуры и научная революция // Сноу Ч. П. Портреты и размышления. М. : Прогресс, 1985. С. 195—226.

[2] «...Когда люди неправильно регистрируют свои мысли из-за неустойчивого значения употребляемых ими слов, в силу чего люди регистрируют в качестве своих представлений то, что они никогда не представляли, и, таким образом, обманывают себя» (Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. С. 23).

том, что стало известно как гипотеза Сепира — Уорфа [20; 22]. По словам Уорфа, «язык является не просто воспроизводящим механизмом для высказывания идей, но, скорее, сам является творцом идей, программой и руководством для умственной деятельности человека» [20, p. 212]. Другими словами, естественный язык формирует маркеры для самого разума. Не столько речь является функцией познания, сколько познание есть функция речи. Вследствие этого, по мере ухудшения лингвистических навыков людей, что является прямым результатом вытеснения устных и письменных традиций цифровыми технологиями (то, что Гоббс, Сепир и Уорф лишь предсказывали, а мы сейчас наблюдаем), происходит общее ухудшение когнитивных навыков. В той степени, в которой люди используют, например, emojis в качестве ярлыков для выражения сложных идей и эмоций, они теряют способность в полной мере осознавать свои внутренние состояния. Поэтому рефлексивное самосознание этих людей обедняется.

Это общее ухудшение проявляет себя в повседневной речи, в средствах массовой информации и, конечно, в нашей системе образования. Более того, это также имеет экономические и политические следствия, поскольку, как хорошо отметил Джордж Оруэлл, «неряшливость нашего языка открывает дорогу глупым мыслям» [17]. Мы проанализируем некоторые следствия поверхностного (некритического) мышления на наших последующих примерах, иллюстрирующих вредное воздействие технообщества.

Во-вторых, расчет на мгновенность также приводит к дефициту поведенческих качеств, таких как терпение, что даже доводит до озлобления (например, когда ответы на текстовые сообщения или электронные письма не приходят сразу же), и усилению стресса (например, когда люди испытывают острый временной дефицит, когда вынуждены соответствовать цифровым требованиям, включая требование многозадачности). Несмотря на увеличение продолжительности жизни, ускорение, вызванное технообществом, приводит к сокращению свободного времени при росте других нагрузок, что повышает уровень стресса. В то время как наиболее адаптивные и оправданные биологические стрессы укрепляют людей, поскольку обеспечивают их выживание в условиях опасных для жизни ситуаций, будь то стихийные бедствия или антропогенные факторы, члены технообществ сталкиваются с повышенным уровнем дезадаптивных и контрпродуктивных стрессов, несмотря на то что живут в условиях относительного достатка, технического прогресса и гражданских прав, невиданных ранее в истории человечества. Такие стрессы явно вызваны культурными, а не биологическими факторами. За последние годы в развитых и развивающихся странах резко возросло количество диагнозов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [23]. Данные глобального исследования стресса в 2017 г. представлены на рис. 1 [19].

Не может быть простым совпадением, что самые высокие уровни стресса приходятся на наиболее технологически развитые общества, а самые низкие уровни — на наименее развитые. Почему же люди с высоким материальным достатком в условиях экономического благополучия, социальной мобильности, соблюдения гражданских прав и политической стабильности подвержены столь высокому уровню стресса? Возможно, все дело в том, что они потеряли связь со своей человечностью. Давайте рассмотрим этот момент подробнее.

Суть поведенческого дефицита технообщества — это широко распространенное разобщение сознания и тела, вызванное непрерывным использованием (и злоупотреблением) мобильных устройств с бесконечными приложениями. Граждане технообществ фактически живут в своих смартфонах, когда гуляют, водят машину, работают, общаются или садятся за еду. Их тела движутся, как зомби, сквозь реальность, а их сознание целиком погружено в виртуальный мир. Разрыв между телом и сознанием сопряжен как с индивидуальным, так и социальным ущербом. В частности, это усиливает стресс, делая каждого пользователя постоянно доступным для всех людей и для всех дел, еще более увеличивая требования многозадачности и сокращая время на непосредственное восприятие мира и просто на человеческое бытие. Это также уменьшает концентрацию внимания, рассеивая сознание, что увеличивает риск получения травмы или смерти из-за невнимательного вождения в пробках во время непрекращающегося обмена текстовыми сообщениями. В социальном плане это также создает стресс для других, речь идет о шумовом загрязнении в общественных местах, когда некоторые вынуждены слушать разговоры, которые они предпочли бы не слышать, когда бредущие тела, похожие на зомби, бездумно сталкиваются друг с другом в общественных местах. В общем и целом, это равносильно игнорированию как личного, так и общественного благополучия

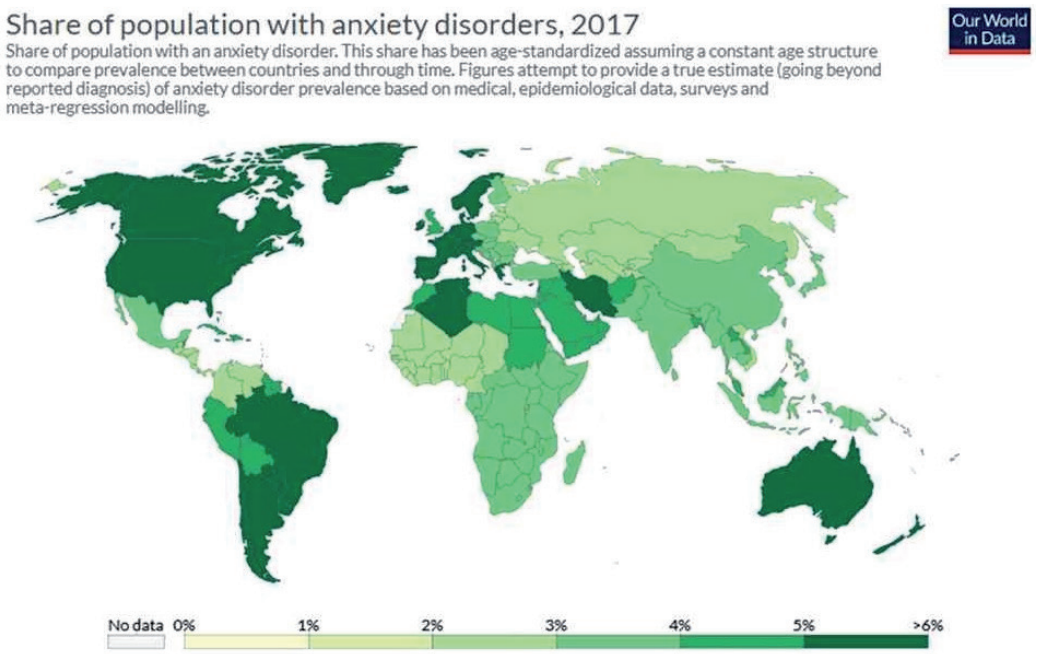

Рис. 1. Данные глобального исследования стресса в 2017 г.

во все более растущих масштабах. Средний взрослый американец теперь проводит шесть часов в день (около 33 %) своей бодрствующей жизни тет-а-тет с цифровыми медиа [4].

Повсеместное разобщение сознания и тела, порожденное злоупотреблениями цифровыми технологиями (включая так называемую «интернет-зависимость») приводит к новым «культурным болезням», которые сопряжены со стрессом, бездумным поведением и неумением быть счастливыми. Наиболее эффективными средствами для «лечения» этих «болезней» являются древние восточные практики — такие как индийская йога, китайское искусство тайцзы, цигун и похожие на них виды практик, такие как буддийские медитации (например, развивающие сосредоточение). Эти практики фокусируются на дыхании, позе, сбалансированном потоке энергии, восстанавливающем единство сознания и тела. Они повышают внимательность, осознанность, концентрацию, умение ценить и сострадать. Они становятся все более распространенными среди западного населения, стремящего всеми способами восстановить свою ускользающую человечность. Эти практики основаны на глубоких философских идеях, их эффективность также подтверждается современными научными исследованиями [15, p. 581—608]. Они являются оригинальными и в наибольшей мере способствуют расширению возможностей гуманитарных методов терапии.

В-третьих, искусственный интеллект способствует прогрессирующему ухудшению двух основных когнитивных компетенций: логико-математических и языковых. Самая ранняя вычислительная машина, которая датируется приблизительно 500 г. до н. э. и которая использовалась столетиями древними людьми и продолжает использоваться некоторыми современными людьми, — это счеты. Использование этого устройства требует понимания не только арифметических операций, но и некоторых базовых принципов математики в дополнение к хорошей концентрации внимания и активной памяти. Самым ранним из известных аналоговых вычислительных машин является абак, который требует того же набора навыков, что использование счет, но способствует более глубокому пониманию математических принципов. Другими словами, эти устройства являются продолжением активного человеческого разума. Именно человеческий разум является главным «источником их энергии». Точно так же, когда кассиры звенели своими механическими кассовыми аппаратами, им приходилось вводить цены вручную. Аппараты отображали только общую сумму счета, поэтому кассирам приходилось мысленно комбинировать

свои расчеты, чтобы выдать клиенту сдачу. Но в настоящее время кассиры просто сканируют штрих-коды товаров, что не требует от них вообще никакой умственной деятельности. Современные цифровые кассовые аппараты не только отображают общую сумму, но также рассчитывают сдачу, поэтому нынешним кассирам вообще не нужна арифметика. В результате многие испытывают серьезные трудности, когда иногда приходится рассчитывать сдачу в уме. Другими словами, человеческий разум становится пассивным продолжением активной машины до такой степени, что атрофируются способности выполнять даже элементарные арифметические операции. Таким образом, технообщество ослабляет когнитивные функции человека.

Точно так же, чтобы сказать что-то осмысленное, раньше требовалось понимание основных принципов языка, а именно его словаря и синтаксиса. Написание чего-то осмысленного требовало аналогичного понимания, плюс дополнительной координации глаз и рук (что могло возвыситься до изысканных художественных форм, таких как каллиграфия, или требовать превосходной высокоскоростной точности, как печатание на механических машинках). Отметим еще раз, что эти средства были пассивным расширением активности человеческого разума, которое приводилось в действие самим человеческим разумом. Но в наши дни цифровые приложения переводят устную речь в текст, попутно правя грамматику и орфографию. Как следствие, многие пользователи таких приложений больше не знают грамматики и не умеют писать, используя грамматические правила. Поскольку их умы становятся пассивным расширением активности машин, их лингвистические навыки не могут не ухудшаться, что ограничивает и их семантические горизонты.

Мы неизбежно приходим к выводу, что широкое распространение искусственного интеллекта фактически приводит к подрыву и ослаблению человеческого естественного интеллекта. Однако еще более печальное следствие относится к моральному измерению человека. Если технообщество ослабляет наши познавательные способности, разве это не должно подорвать наши способности к моральным суждениям? Поскольку человеческий разум становится пассивным продолжением активности вычислительных и лингвистических машин, что же может нам помешать стать морально пассивными? Поскольку теперь мы можем заменить кассиров и преподавателей языка машинами, возможно, в конечном итоге мы сможем также заменить машинами судей и философов. Если это так, то и сам человеческий разум постепенно выйдет из употребления.

В-четвертых, в развитых странах наблюдаются так называемые «эпидемии» депрессии и СДВГ (синдром дефицита внимания и гиперактивность), среди прочих дисфункций настроения и когнитивно-поведенческих расстройств, которые распространены в такой степени, чему еще не было прецедентов в истории человечества. В то же время вне обсуждения остаются два наиболее важных аспекта любой эпидемии, а именно ее экспертиза с точки зрения патологии и эпидемиологии. Только то, что эти так называемые «эпидемии» на самом деле вызваны культурным фактором, как утверждают многие философы-практики и представители гуманитарной терапии, объясняет отсутствие патологических и эпидемиологических объяснений. Но в то же время фармакологическое лечение этих состояний возрастает в связи с частотой их диагностики.

Критическое осмысление истории медицины показывает, что всякий раз, когда медицинской науке удается «разлагать природу на составные части» (*“carving nature at its joints”*), то есть достигать понимания болезни с позиции патологии и эпидемиологии и разрабатывать эффективное лекарство, мы видим снижение частоты появления данной болезни пропорционально увеличению эффективности лечения. Например, распространение вируса полиомиелита, который когда-то поражал миллионы детей во всем мире, значительно сократилось благодаря эффективной вакцине [1]. Аналогичным образом была взята под контроль корь [16]. Таких примеров множество.

Совсем иную картину мы видим относительно депрессии. В отличие от борьбы с вирусами, которые вызывают полиомиелит и корь (те болезни, симптомы, диагнозы и методы лечения которых являются окончательными), «депрессия» может иметь множество смыслов, множество причин, множество симптомов и множество способов лечения. И в отличие от полиомиелита и кори, депрессия усиливается в технообществах во всем мире и в каждой возрастной группе, что оправдывает назначение и употребление так называемых «антидепрессантов» [8; 11; 18].

Так же обстоят дела с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью, или СДВГ. Он не будет выявлен ни одной экспертизой с позиции патологии или эпидемиологии, но тем не менее его диагностируют и лечат

как эпидемию. Как и в случае депрессии, мы видим одновременное увеличение заболеваемости на фоне роста интенсивности лечения [2; 3].

В течение многих лет для философов-практиков и представителей гуманитарной терапии было очевидно, что многочисленные современные болезни, в том числе большинство форм депрессии и СДВГ, относятся к огромной группе культурно обусловленных недугов. Медицинским способом воздействуют только на их симптомы, а не на коренные причины, которые можно диагностировать и лечить. Поскольку частота этих «болезней» прямо пропорциональна увеличению потребления предписываемых лекарств, следует предположить, что эти лекарства либо не имеют никакого эффекта, либо в действительности влияют отрицательно, то есть усугубляют проблему. Я считаю, что верно второе и не только потому, что врачи вводят потребителей в заблуждение, предписывая неэффективные средства, но и потому, что врачи препятствуют поиску реальных первопричин и использованию действительно эффективных средств.

В 2013 г. *New York Times* пришла к аналогичному выводу, объяснив распространение СДВГ культурными, а не биологическими факторами [6]. *New York Times* утверждает, что основной причиной «эпидемии» СДВГ является телевизионная реклама фармацевтических компаний, которые сеют панику среди своих невежественных или некритически мыслящих потребителей, которые готовы накачать наркотиками своих детей при этом якобы повышая их успеваемость [6]. Возмущенный родитель из Великобритании, который не дал себя обмануть этими махинациями, связанными с получение прибыли, бросил вызов британскому офису одной медицинской корпорации, регулирующей поток лекарства. Он запросил клинические данные, которые доказывают эффективность употребления риталина, на что бюро ответило, что «не может найти клинических данных, которые оправдывали бы лицензирование риталина»[1]. Примерно в то же время Национальный институт психического здоровья (NIMH), крупнейшая в мире научная организация по исследованию психических заболеваний и психического здоровья, отклонил предписывание DSM-5 на основании того, оно воздействует только на симптомы, но не на болезнь [6].

Эту гигантскую индустрию псевдонаучной диагностики и неэффективного лечения можно объяснить только ссылкой на «хищнический капитализм»: транснациональные фармацевтические корпорации колонизировали психиатрию и клиническую психологию и используют своих лицензированных агентов в качестве законных «наркоторговцев». Это равносильно тому, что правительство бы вдруг легализовало оборот наркотиков или бы прибегло к мошенничеству потребителей в особо крупных размерах. Эти вызванные культурными факторами «эпидемии» могут быть обращены вспять только путем обнаружения и признания их коренных причин, которые связаны с дегуманизирующим влиянием техносообщества, и путем ре-гуманизации (*re-humanizing*) жизни людей методами гуманитарной терапии и смежных философских практик.

В-пятых, материальное изобилие в тандеме с духовной бедностью, чрезмерное внимание к технологиям в решении человеческих проблем и соответствующее игнорирование гуманитарных наук и искусств — все это привело к всеобщей потере смысла жизни у современных людей. Массовая потеря смысла была впервые клинически отмечена Виктором Франклом после Второй мировой войны, по поводу чего он и разработал свой метод логотерапии [7]. Эта проблема также рассматривалась экзистенциалистами и получила окончательную критическую «раскрутку» у постмодернистов. Когда люди становятся просто шестеренками в машине или узелками в глобальных сетях и видят, как постепенно традиционные мифопоэтические повествования разрушаются и обесцениваются, они неизбежно приходят к утрате смысла жизни вместе со многими другими духовными проблемами.

Например, в период до технообщества, если обычная семья хотела насладиться музыкой, все ее члены, как правило, сами активно ее создавали (рис. 2), что показывает данная иллюстрация эпохи позднего Возрождения (XVI в.).

Семейное исполнение музыки имеет множество полезных сопутствующих эффектов в дополнение к наслаждению самой музыкой. Например, это укрепляет семейные узы, упрочивает связи, поощряет сотрудничество, усиливает социализацию, обостряет внимание, развивает моторику. Я уверен, что вы сможете обнаружить другие преимущества такой деятельности.

[1] The Letter to Mr. Black from the Agency for the Regulation of Medicines and Health Products, 30 January 2014. URL: http://www.braintrainuk.com/wp-content/uploads/2014/03/Letter-form-MHRA-re.-Ritalin-Licence-Records-Lost-Jan-2014.pdf (дата обращения: 03.04.2020).

Рис. 2. Иллюстрация эпохи позднего Возрождения (XVI в.)

Теперь сопоставьте эту картину с сегодняшней зарисовкой жизни обычной семьи технообщества (рис. 3).

Если ее члены хотят наслаждаться музыкой, они потребляют ее пассивно и изолированно, каждый находится в своем собственном мире. Пассивное потребление музыки изолированных друг от друга людей имеет много вредных побочных эффектов. Например, это ослабляет семейные узы, затрудняет общение, поощряет изоляцию, препятствует социализации; это требует излишнего внимания, что приводит к большей физической усталости. Я также уверен, что вы можете сами продолжить этот перечень вредных воздействий.

Это всего лишь один пример превращения человека технообщества из активного производителя в пассивного потребителя культуры. Этот вид трансформации, скорее всего, обедняет дух людей и делает их более уязвимыми для целого созвездия болезней, вызванных культурными факторами, о которых говорилось выше.

В-шестых, виртуализация идентичности также является источником проблем,

Рис. 3. Зарисовки жизни обычной семьи технообщества

особенно для молодых людей. По сути, такие платформы, как Facebook, перемещают личность из реального пространства в пространство виртуальное, делая саму личность неразличимой, эфемерной, уязвимой. Если мы поразмышляем о значении дружбы в том виде, в каком она понималась с древних времен, например Аристотелем или Конфуцием, то поймем, что дружба обретает реальность только между воплощенными существами, и только в таком качестве она глубоко осмысленна и ценна. Сравните это с «дружбой» в Facebook, осуществляемой одним щелчком мыши. Ничто не может быть более поверхностным и менее значимым. Таким образом, хотя можно иметь огромное количество виртуальных «друзей», несравнимо более важно и полезно иметь хоть и немногих, но реальных друзей настоящего качества.

В-седьмых, миграция сознания в виртуальное пространство также порождает множество проблем, главной из которых является искаженное восприятие реальности. В западном мире письменная традиция, которая создала образцы для каждого института современной цивилизации, постепенно умирает. Человеческое сознание больше не ассимилирует знания путем чтения и размышления над идеями, оно скорее наблюдает потоковое видео в реальном времени и эмоционально реагирует на готовые изображения и лозунги. Это именно то, чему Платон пытался противодействовать с помощью своей «аллегории пещеры»: повсеместной подмене реальности восприятием. В технообществе восприятие это и есть реальность. Таким образом, массы людей оказались загнанными обратно в пещеру Платона. Опасность превращения людей в стадо овец, а трезво мыслящих граждан в безликую толпу трудно переоценить.

В-восьмых, несмотря на то что уровень грамотности в целом растет, даже в развивающихся странах (спасибо глобализации), в развитых странах прогрессирует так называемая «культурная неграмотность». Культурная неграмотность — это состояние, при котором можно просто читать слова, но при этом не понимать их смысла [9]. Например, большинство американцев без труда смогут прочитать, что «Ли капитулировал перед Грантом при Аппоматтоксе». Однако большинство американцев уже не знают ни то, кем были Ли и Грант, ни то, где находится Аппоматтокс, и что эта капитуляция означала окончание Гражданской войны в США. Культурная неграмотность — это исчезновение из коллективного сознания тысяч предметов культурного наследия, которые когда-то считались необходимыми для общей культурной ориентации в мире, и приобщение к которым осуществлялось в рамках единой образовательной программы. Это относится не только к истории, но и к географии, литературе, философии и всем предметам традиционной образовательной программы. Технообщество отменило единый учебный план и заменило его недифференцированным континуумом неупорядоченной информации, растревоженной штормом в океане информационного хаоса. Эта информация могла бы быть упорядочена консенсусом вдумчивых людей (например, наподобие библиотечного каталога), но в реальности она систематизируется непрозрачными алгоритмами поисковых систем: анонимных, безликих и ценностно нейтральных. Как следствие, общее невежество (то есть культурная неграмотность) возрастает в силу увеличивающейся информационной перегрузки.

5. Выводы

Во-первых, некоторые люди могут удивляться, узнав, что в 2013 г. Ассоциация развития искусств и наук (AAAS) представила Конгрессу США доклад, в котором говорилось о том, что маргинализация гуманитарных наук является основной причиной культурного упадка и ухудшения социального самочувствия нации. Наша статья не только разделяет эту точку зрения, но и выделяет конкретные аспекты этой проблемы. Если спросить, какое влияние оказал отчет AAAS на законодательную власть США и намерена ли она исправлять ситуацию, то, к сожалению, ответ отсутствует. Напротив, упадок и ухудшение по сравнению с 2013 г. только усугубляются. Это указывает на то, что правительство США, скорее всего, является частью самой проблемы, а не частью ее решения.

Во-вторых, некоторые люди могут удивиться, узнав о существовании степени MLA, которая, кажется, специально открыта для того, чтобы помочь решить обозначившуюся проблему. MLA, или магистр гуманитарных наук (*Master of Liberal Arts* — дословно «Магистр свободных искусств»), является междисциплинарной образовательной программой, которая объединяет исследования искусств, естественных, гуманитарных и социальных наук. Десятки американских университетов, в том числе ведущих, присваивают теперь эту степень своим выпускникам. Но есть ли подтверждения того, что

выпускники этих программ вносят ощутимый вклад в решение проблем технообщества? К сожалению, нет. Это потому, что данные программы почти полностью сфокусированы на теории, а не на практике. Хотя они справедливо заинтересованы в том, чтобы быть альтернативой преждевременной и чрезмерной специализации, поставляющей технообществу своих агентов, эти программы дают знания ради знания или ради удовлетворения интеллектуального любопытства, а не для более значимой цели — устранения культурных и социальных недугов современного общества.

В-третьих, из двух предыдущих выводов следует, что решения не придут ни от правительства, ни от академических кругов и что устранение вредных воздействий технообщества зависит от инициативы снизу, которую проявляют представители гуманитарной терапии, а также философы-практики. У нас есть ключевое понимание вредных воздействий технообщества и мы работаем с «жертвами» этих воздействий; правительства и университеты этого не делают. Мы разрабатываем методы, которые в наибольшей мере способствуют устранению дефицита человеческих качеств в условиях технообщества; правительства и университеты этих методов не имеют. Мы имеем навыки работы с людьми, облегчая их страдания, порожденные технообществом; правительства и университеты этого не умеют. Наше число хоть и не велико, но мы ставим перед собой великую задачу, и то, что мы можем предложить обществу, имеет огромную ценность. Поэтому я призываю вас всех продолжать работу в этой области и заверяю вас, что ваши усилия приведут к существенному улучшению жизни людей.

References

1. Adeyemi, O., Stonehouse N. (2017) *Microbiology Today*, no. 44 (1), pp. 14—17 [in Eng].

2. Akinbami L., Liu X., Pastor P., Reuben C. (2011) *National Center for Health Statistics: Data Brief* 70. Available at: https://www.cdc.gov/nchs/products/databriefs/db70.htm, accessed 03.04.2020 [in Eng].

3. Black, S. (2014) NHS considers 'brain training' treatment as ADHD prescriptions reach 1.1 million // BrainTrainUK, available at: http://www.braintrainuk.com/nhs-considers-brain-training-treatment-as-adhd-prescriptions-reach-1-1-million, accessed 03.04.2020 [in Eng].

4. Deyto, M. (2018). Time Spent on Mobile Phones: 3.3 Hours Per Day // TextMarks' SMS Text Messaging platform. Available at: https://blog.textmarks.com/time-spent-on-mobile-phones-greater-than-on-desktopslaptops, accessed 03.04.2020 [in Eng].

5. D'haen, T. (2011). Is Humanities Under Siege? // Diogenes, no. 58 (1—2), pp. 136—146 [in Eng].

6. Feary, V., Marinoff, L. (2014). *Journal of Humanities Therapy* 5, pp. 47—70 [in Eng].

7. Frankl, V. (1959). Man's Search for Meaning. Boston, Beacon Press [in Eng].

8. Gould, S., Friedman L. (2016). Something startling is going on with antidepressant use around the world // Business Insider, 2. Available at: https://www.businessinsider.com/countries-largest-antidepressant-drug-users-2016-2, accessed 03.04.2020 [in Eng].

9. Hirsch E.D. (1988). Cultural Literacy. New York, Vintage Books [in Eng].

10. Hobbes T. (1992) [1651]. Leviathan / ed. R. Tuck. Chapter 4. Cambridge, Cambridge University Press [in Eng].

11. Major depression on the rise among everyone, new data shows. (2018). *NBC Palm Springs*. Available at: https://nbcpalmsprings.com/2018/05/10/major-depression-on-the-rise-among-everyone-new-data-shows, accessed 03.04.2020 [in Eng].

12. Marinoff, L. (2003). The Big Questions. New York, London, Bloomsbury [in Eng].

13. Marinoff, L. (2007). The Middle Way. New York, Sterling [in Eng].

14. Marinoff, L. (2012). "Humanities Therapy: Restoring Well-Being in an Age of Culturally-Induced Illness," Keynote address // Proceedings of the 11th International Conference on Philosophical Practice. Humanities Institute, Kangwon National University, pp. 27—48 [in Eng].

15. Marinoff L. (2016). Mind Over Mind, Mind Over Brain, Man Over Man: A Convergence of Buddhism, Neuroscience, and Nietzsche // Proceedings of 2016 Mind Humanities International Conference. Wonkwang University, pp. 581—608 [in Eng].

16. Measles, Mumps, and Rubella (German Measles): Cases and Deaths, and MMR Vaccination Rates. (2017). *Pros & Cons of Current Issues.* Available at: https://vaccines.procon.org/view.additional-resource.php?resourceID=005969, accessed 03.04.2020 [in Eng].

17. Orwell G. (1946). Politics and the English Language. London, Horizon [in Eng].

18. Pratt L., Brody D., Gu Q. (2017). Antidepressant Use Among Persons Aged 12 and Over: United States, 2011 — 2014 // National Center for Health Statistics: Data Brief 283. Available at: https://www.cdc.gov/nchs/products/databriefs/db283.htm, accessed 03.04.2020 [in Eng].

19. Ritchie, H., Roser M. (2018). Mental Health // Our World in Data. Available at: https://ourworldindata.org/mental-health, accessed 03.04.2020 [in Eng].

20. Sapir E. (1949). *Selected Writings* / ed. D. Mandelbaum. Berkeley, Los Angeles, University of California Press [in Eng].

21. Snow C.P. (2001) [1959]. The Two Cultures. London, Cambridge University Press, p. 3—31. Available at: http://s-f-walker.org.uk/pubsebooks/2cultures/Rede-lecture-2-cultures.pdf, accessed 31.03.2020 [in Eng].

22. Whorf B. (1956). Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / ed. J. Carroll. New York, The Technology Press of MIT and John Wiley & Sons Inc [in Eng].

23. Wilson, S., Guliani, H., Boichev, G. (2016). *Journal of Community Safety & Well-Being*, no. 1 (2), pp. 26—31 [in Eng].

For citing: Marinoff L. Humanitarian therapy as a means of protecting against detriments of technological community // Socium i vlast'. 2020. № 2 (82). P. 19—28. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-19-28.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-19-28

UDC 101.8 + 101.9

HUMANITARIAN THERAPY AS A MEANS OF PROTECTING AGAINST DETRIMENTS OF TECHNOLOGICAL COMMUNITY

Marinoff Lou,
City College of New York (USA),
Dean of the Department of Philosophy
President of the American Association of Practical Philosophers (APPA),
Doctor of Philosophy, Professor.
160 Convent Ave, New York, NY 10031, USA.
E-mail: lmarinoff@ccny.cuny.edu

Abstract
Globalization and the digital revolution are transforming human civilization in unprecedented ways, in large measure via innovation as well as imposition of emergent technologies on growing numbers of consumers. While these transformations confer undeniable benefits to humanity, the benefits are bundled with a corresponding set of detriments. This paper does not contest the benefits, but confronts the detriments. It appeals to humanities therapy as a remedy for many of the cognate problems experienced by individuals and societies alike, problems that stem from overexposure to technologies and underexposure to humanities.

Key concepts:
technosociety,
monoculture,
detriments,
cognitive deficits,
behavioral deficits.